Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде

Заказ № . . . ИИД . . Пор. № . . . 11.59

Книга имеет: 26 . стр. 12 . иллюстр.

. . . . табл. . . . карт.

Примечания: обл. нет.

Расписка отв. за подгот. в перепл. . . . . .

ГПБ з 313-4000 06-11-84

34.83.2.1236

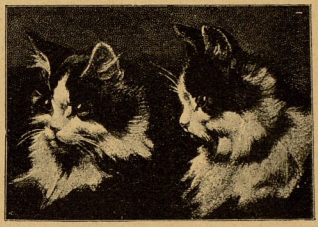
Какъ-то Рыжикъ и Чернушка
Видятъ, скачетъ разъ лягушка...
Увидали, испугались
И, какъ трусы, разбѣжались...

РЫЖИКЪ и ЧЕРНУШКА

ПРИКЛЮЧЕНІЯ МАЛЕНЬКИХЪ КОТАШЕКЪ

Разсказъ для малютокъ

Л. А. ЧАРСКОЙ



Съ хромолитографированными рисунками

А. ГЕЙЕРА

Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С. ПЕТЕРБУРГЪ И МОСКВА

печать типографіи
Т-ва М. О. Вольфъ
С.Петербургъ. Зас. Остр. 16 линія соб. домъ

Моя мамочка сказала мнѣ, уѣзжая путешествовать со своими господами:

— Рыжикъ! Ты уже большой и долженъ заботиться о твоей сестричкѣ-Чернушкѣ; учи ее уму-разуму, защищай отъ всевозможныхъ опасностей и бѣдъ, старайся замѣнить ей меня въ мое отсутствіе.

Такъ сказала моя мамочка и уѣхала, поцѣловавъ насъ на прощанье.

Мнѣ особенно понравились мамочкины слова о томъ, что я большой и что поэтому долженъ учить уму-разуму сестрицу. Нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ сознавать себя большимъ и умнымъ.

Какъ только мамочка уѣхала, я и занялся Чернушкою.

I

ОГДА мамочка была съ нами, она умывала насъ каждое утро, то-есть, по-просту, вылизывала насъ гладко-прегладко своимъ розовымъ язычкомъ. Такъ какъ мамочка, уѣзжая, приказала мнѣ заботиться о Чернушкѣ, то я и рѣшилъ первымъ дѣломъ заняться туалетомъ моей маленькой сестрицы. При этомъ я, конечно, старался дѣлать все такъ-же хорошо и скоро, какъ это дѣлала мамочка. Въ началѣ умыванья Чернушка сидѣла смирно, но вдругъ заупрямилась: она то мотала головою, то отталкивала меня лапками, то вертѣлась на мѣстѣ, такъ что я рѣшительно не могъ справиться съ нею. Сначала я всячески уговаривалъ ее.

— Полно, Чернушка, полно! Будь умной маленькой кошечкой... Никто не будетъ любить грязную, неумытую киску! Любятъ только чистенькихъ, аккуратныхъ котятъ!..

И, приговаривая такимъ образомъ, я продолжалъ свое занятіе. Но Чернушка была не изъ послушныхъ. Она дернула головою такъ, что я попалъ ей языкомъ прямо въ глазъ.

Ну, будьте, пожалуйста, справедливы! Скажите по совѣсти, что за несчастье, если попадетъ въ глазъ, нечаянно при этомъ, маленькій, совсѣмъ маленькій кошачій язычекъ? Вѣдь это же не больно! Совсѣмъ не больно, честное слово! А Чернушка заревѣла такъ, точно ей попалъ, по крайней мѣрѣ, въ глазъ цѣлый сукъ дерева. Заревѣла благимъ матомъ и изо всей силы хватила меня лапкой по носу... Вотъ вамъ и благодарность! Въ награду за мои-то заботы!

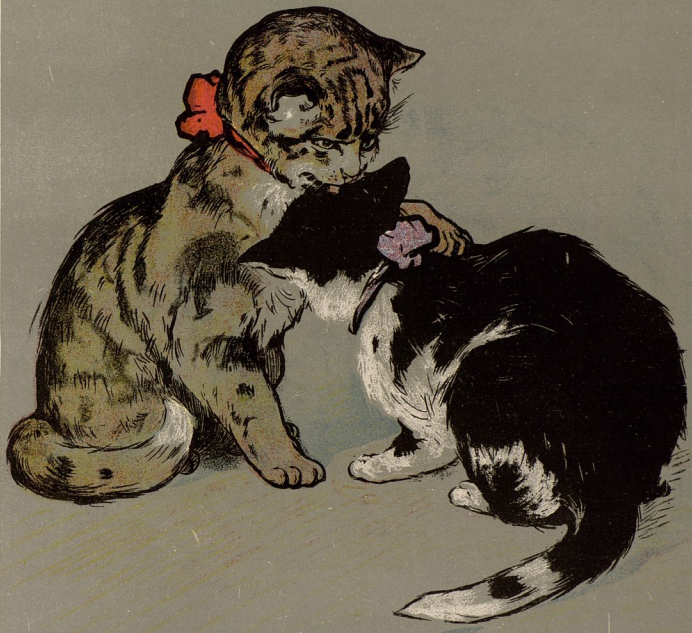
Я, конечно, разсердился, ужасно разсердился.

И, не помня себя, въ свою очередь, пребольно оцарапалъ Чернушку.

Поднялась драка.

Большой, умный Рыжикъ и маленькая, глупенькая Чернушка поцарапались на славу, расфыркались и попрятались по разнымъ угламъ.

Нечего сказать: нѣжныя заботы братца о сестрицѣ! Но и сестрица хороша, нечего сказать! Что-то скажетъ мамочка, когда вернется, охъ!..



Рыжикъ маму замѣняетъ:
Тщательно и нѣжно...
Онъ Чернушку умываетъ
Быстро и прилежно...

II

СОРА съ Чернушкою продолжалась недолго. Я очень люблю Чернушку и ссориться съ нею мнѣ больно и непріятно. И я рѣшилъ непремѣнно загладить мою вину передъ нею и быть самымъ нѣжнымъ и заботливымъ братомъ.

Къ вечеру мы уже совсѣмъ примирились, и я заявилъ Чернушкѣ, что буду ее учить охотиться за мышками.

Когда стемнѣло, я повелъ Чернушку на чердакъ, гдѣ, какъ я зналъ отъ мамочки, водилось много мышей.

Наступила ночь... Мы притаились въ уголку и ждали появленія какой-нибудь глупенькой мышки. Время тянулось долго-предолго, а мышей все не было, какъ вдругъ... Тра-ла-ла-ла! Вотъ такъ счастье! Въ углу чердака притаился мышенокъ. Я не помнилъ себя отъ радости.

— Гляди, Чернушка! — прошепталъ я взволнованно,—гляди, что надо дѣлать! Разъ... два!..

Я присаживаюсь на полъ и весь вытягиваюсь въ

ниточку, ожидая той секунды, когда можно будетъ схватить мышку. Но мышка не двигается... Она точно не видитъ меня...

— Три... четыре... пять!.. вытягиваю лапу и жду, когда она броситься бѣжать, для того чтобы схватить ее на бѣгу... Но мышь ни съ мѣста... Сидитъ на разстояніи двухъ прыжковъ отъ меня и не шевелится... Странная мышь!

— Шесть... семь... восемь! — отсчитываю я... И ползу еще и еще...

Мышь сидитъ... Преглупая мышь, я вамъ доложу!

Тогда я дѣлаю отчаянный прыжокъ...

Фыркъ! фыркъ! фыркъ!

Цапъ-царапъ!

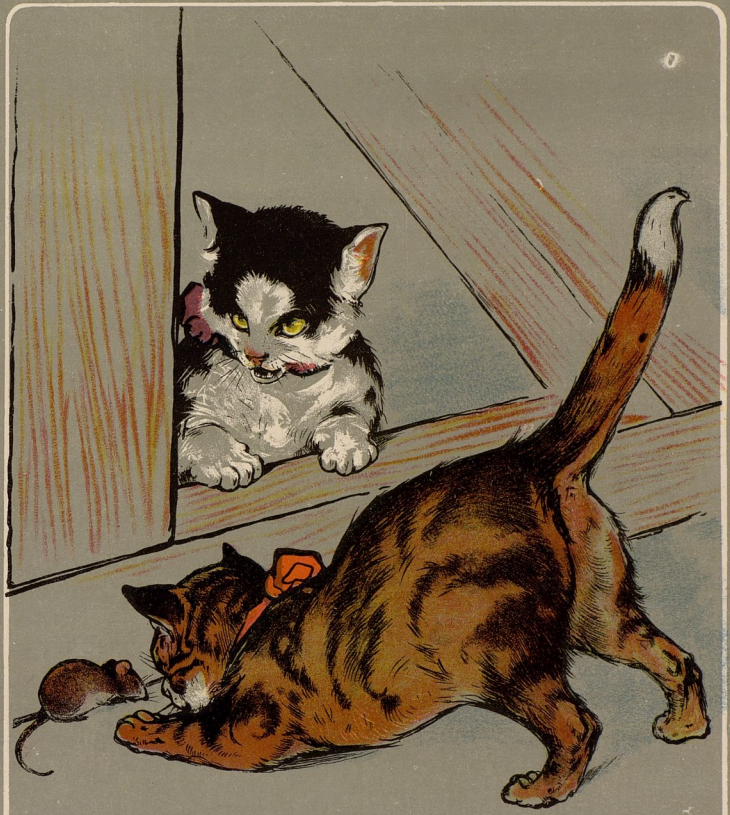
Я разомъ отскакиваю назадъ, какъ ошпаренный.

Вотъ такъ скандалъ!

Въ моихъ лапкахъ не живая мышь, а... деревянная... Ну, да, деревянная игрушечная мышь, выброшенная за негодностью дѣтская игрушка...

Вотъ вамъ и охота! Вотъ вамъ и первый урокъ!

Я ужасно сконфуженъ и искоса поглядываю на Чернушку, не смѣется-ли надъ моей неудачей моя маленькая сестричка. Но сестричка не смѣется... Она отлично понимаетъ, что такая неудача могла случиться и со взрослымъ котомъ... И я спокоенъ. Мало-ли чего не бываетъ на свѣтѣ!...



Однажды случай очень странный
Произошелъ ночной порой...
Въ потьмахъ, мышенокъ деревянный
Былъ принятъ киской за живой...

III

А слѣдующій день кухарка Матрена поставила намъ на полу кухни нашъ обычный обѣдъ—крынку молока. Къ нему она добавила, противъ обыкновенія, и второе блюдо—большой кусокъ ливерной колбасы, которую купила себѣ, но которая, на наше счастье, оказалась не свѣжей и, стало быть, непригодной для людского обѣда, но для насъ, котятъ, даже очень пригодною и вкусной. По крайней мѣрѣ, я люблю ливерную колбасу, хотя бы и испорченную, больше всего въ мірѣ (послѣ мамы и Чернушки, конечно). А сегодня я голоденъ, къ тому-же и колбаса съ молочкомъ кажутся мнѣ самыми вкусными блюдами на свѣтѣ. Кромѣ того, рядомъ съ крынкой молока, оказался еще сладкій крендель. Я уже предвкушалъ заранѣе, что за чудесный обѣдъ будетъ у меня, какъ вдругъ вспомнилъ, что я не сдержалъ даннаго мамочкѣ слова и подрался наканунѣ съ Чернушкой, когда долженъ былъ, какъ старшій, защищать и оберегать ее отъ всего дурного. И вотъ я рѣшилъ твердо наказать себя за мою оплошность, рѣшилъ оставить себя безъ обѣда.

— Иди кушать, Чернушка,—позвалъ я сестричку не совсѣмъ твердымъ голосомъ.

Когда она прибѣжала, веселая и радостная, я подвязалъ ей подъ горло салфетку, подвязалъ и себѣ по привычкѣ, и занялъ свое мѣсто у чашки...

Чавкъ! Чавкъ! Чавкъ! Ахъ, какъ аппетитно умѣетъ кушать молочко Чернушка!

Нелегко, однако, отказываться отъ любимыхъ блюдъ голодному коташкѣ!.. Но я мужественно смотрю на Чернушку и тщательно лижу свою лапку, чтобы какънибудь не забыться и не приняться за молочко, безъ котораго добровольно наказалъ себя сегодня.

Чавкъ! Чавкъ! Чавкъ! продолжаетъ свою музыку Чернушка, и вотъ молочко исчезло въ самое короткое время. Сестричка облизывается и, покончивъ съ первымъ блюдомъ, принимается за ливерную колбасу.

— А ты почему не кушаешь, Рыжикъ?—спрашиваетъ она меня.

— Я сытъ и не хочу обѣдать!—отвѣчаю я храбро, въ то время какъ слезы готовы брызнуть у меня изъ глазъ.

Ухъ! Слава Богу! Колбаса съѣдена.

— Ужасно вкусный былъ обѣдъ сегодня!—замѣчаетъ Чернушка, сладко облизываясь и умильно поглядывая на пустую чашку.

Я глотаю слюнки и тяжело вздыхаю... Но на душѣ у меня такъ хорошо, точно послѣ самаго сытнаго обѣда!..

Очень хорошо и свѣтло на душѣ, право!...

Нашъ Рыжикъ—братецъ хоть куда!
(На этой видно намъ страницѣ),—
Голодный самъ, отдастъ сестрицѣ
Кусокъ послѣдній, господа!...

IV

РЫЖИКЪ! Рыжикъ! Скорѣй, скорѣй бѣги сюда, милый братецъ!—услышалъ я какъ-то чудеснымъ раннимъ утромъ громкій крикъ моей сестрицы. Я только-что крѣпко спалъ и видѣлъ во снѣ, какъ кухарка Матрена дала намъ на ужинъ цѣлое блюдо жареныхъ цыплятъ, поэтому былъ очень недоволенъ, когда Чернушка разбудила меня.

— Мяу, Мяу! Что еще такое случилось?—спросилъ я сердитымъ голосомъ.

— Гляди, гляди сюда, скорѣе, Рыжикъ,—шептала въ волненіи моя милая сестрица.

Я взглянулъ и замеръ отъ удивленія.

Передъ нами было толстое, безобразное, зеленое чудовище, на четырехъ лапахъ, которое, не двигаясь, сидѣло на садовой дорожкѣ и смотрѣло на насъ круглыми, выпученными глазами.

— Что это за штука? Она не кусается?—со страхомъ спрашивала меня Чернушка, пятясь и фыркая на странное существо.

Я сейчасъ-же вспомнилъ тотъ вечеръ, когда на чердакѣ мы увидѣли точно также недвигающагося мышенка и весело расхохотался.

— Ха, ха, ха, ха! Да вѣдь это игрушка, простая дѣтская игрушка,—проговорилъ я увѣреннымъ голосомъ,— ну, да, конечно, игрушка, которою хотѣли большіе люди напугать насъ, маленькихъ котятъ. Только дудки! На этотъ разъ имъ не удалось подшутить надъ нами! Мы не трусы какіе-нибудь, а умные взрослые молодые коты!

И говоря это очень гордо и спокойно, я улегся нарочно подлѣ зеленаго урода, показывая этимъ свое безстрашіе и даже нарочно задѣлъ его своимъ пушистымъ хвостикомъ по головѣ.

— Ай! Ай! Ай! Ай! Что такое?

— Ква! Ква! Ква! Ква!—раздалось у насъ подъ самымъ ухомъ, и что-то холодное, скользкое мазнуло меня по носу... Въ ту же минуту безобразное, зеленое существо зашлепало, высоко подпрыгивая по дорожкѣ сада, мимо насъ, прямо въ канаву. Мы замяукали отчаянными голосами и со всѣхъ ногъ кинулись бѣжать...

Вотъ вамъ и дѣтская игрушка! Прыгаетъ на поларшина отъ земли и чуть не отъѣла мнѣ носа...

Мяу, мяу! Ужасъ какой! Поневолѣ будешь трусомъ!

V

ОТЪ это такъ охота! Настоящая охота, я вамъ доложу... На столѣ въ гостиной стояла клѣтка. Въ клѣткѣ сидѣла желтая канарейка... Канарейка пѣла цѣлыми днями: «піу! піу! піу!»

Пѣла и прыгала съ жердочки на жердочку, съ прутика на прутикъ... Ей было весело, должно быть... Да и почему могло быть скучно канарейкѣ?.. Птица она глупая, только и умѣетъ стрекотать «піу, піу», а толку отъ нея мало... Ну, кому надо ея «піу, піу», скажите, пожалуйста! А между тѣмъ о ней заботятся, какъ о принцессѣ какой-нибудь. И зернышки у нея есть въ клѣткѣ, и свѣжая вода, и солнышко пригрѣваетъ ее черезъ окошко такъ ласково и нѣжно.

А она «піу да піу» и больше ничего. Глупая птица и только! Неправда-ли, Чернушка?—обратился я какъ-то къ сестрѣ,—безполезная птица—канарейка, не хочешь-ли скушать ее на завтракъ?

Чернушка только облизнулась въ отвѣтъ.

— Давай попробуемъ достать ее изъ клѣтки!—

снова предложилъ я Чернушкѣ.—Это будетъ, по крайней мѣрѣ, славная охота!

Та только молча кивнула головою.

Мы присѣли къ столу. Сначала я просунулъ лапку и пошевелилъ ею въ клѣткѣ.

Глупая канарейка оказалась гораздо умнѣе, чѣмъ я думалъ: какъ запищитъ, какъ замечется по клѣткѣ. Какъ закричитъ «піу, піу, піу», да такъ жалобно и протяжно... Чувствуетъ, видно, что ея конецъ пришелъ.

Я опять лапку просунулъ, и Чернушка за мною.

Птичка еще больше заметалась, забилась, запищала.

Тутъ я вспрыгнулъ на столъ, бросился къ клѣткѣ и...

Въ тотъ же мигъ неожиданные частые удары посыпались мнѣ на голову, спину, лапки... Передо мною, какъ изъ-подъ земли, выросъ лакей Гаврила съ плеткой въ рукахъ...

Ой, ой, ой, ой! Такъ это было больно!.. Вѣкъ не забуду!.. А противная канарейка точно на зло пляшетъ по клѣткѣ да приговариваетъ «піу, піу! Такъ тебѣ и надо, такъ тебѣ и надо! Подѣломъ!»

Пренепріятная исторія вышла, я вамъ скажу, Богъ съ ней и съ охотой.

— Піу, Піу!—птичка въ клѣткѣ
Сладкимъ голосомъ пищитъ,
Этотъ голосъ у котятокъ
Возбуждаетъ аппетитъ...

VI

Неудачная охота съ канарейкой сдѣлала то, что мы съ Чернушкой возненавидѣли теперь всѣхъ птицъ, все пернатое царство. Прежде мы не обращали вниманія на воробышковъ и голубей, которые жили у насъ на крышѣ, на ласточекъ, что свили гнѣздо въ сараѣ, на цыплятъ и утятъ, которые бѣгали по двору. А тутъ мы объявили войну всѣмъ птицамъ на свѣтѣ.

Особенно возненавидѣла Чернушка желтыхъ цыплятокъ, что гуляли по двору слѣдомъ за хохлаткой и очень напоминали своей желтизной канарейку, изъ-за которой намъ такъ попало въ тотъ несчастный день отъ Гаврилы.

Желтыхъ цыплятъ Чернушка теперь рѣшительно не могла видѣть. Скушать хотя-бы одного желтаго цыпленка—вотъ все, о чемъ мечтала теперь моя милая сестричка.

Однажды, подъ вечеръ, когда вдоволь поклевавъ зернышекъ, насыпанныхъ въ углу двора, хохлатка смирно возвращалась къ себѣ въ курятникъ, окружен-

ная всѣмъ своимъ семействомъ, Чернушка, притаившаяся за деревомъ, вдругъ кинулась на самаго маленькаго цыпленка, немного отставшаго отъ другихъ.

Ахъ, что тутъ произошло въ ту же минуту!.. Хохлатка закудахтала такъ, точно ее рѣжутъ, цыплята запищали на разные голоса... И вотъ въ одинъ мигъ откуда-то изъ-за угла съ громкимъ «кукареку» выскочилъ огромный пѣтухъ и со всѣхъ ногъ кинулся на Чернушку. Чернушка пронзительно вскрикнула и выпустила изо рта цыпленка. Но пѣтухъ, очевидно папаша желтаго семейства, не унимался.

Онъ вцѣпился когтями въ спину Чернушки и готовился ударить ее своимъ страшнымъ клювомъ... Не знаю, что бы произошло вслѣдъ за этимъ, если бы я не бросился защищать мою бѣдную сестренку, храбро вступивъ въ драку съ великаномъ-пѣтухомъ.

Ахъ, что это была за драка! Мы налетали другъ на друга. Пѣтухъ клевался, я царапался. Перья и пухъ летѣли клочьями во всѣ стороны. И все-таки я остался побѣдителемъ. Пѣтухъ бѣжалъ съ поля битвы, а я, измученный, усталый, но довольный, вернулся къ сестрѣ и взялъ съ нея слово никогда больше не трогать цыплятъ.

Ужасная битва! Но кто побѣдитъ!
Пѣтухъ нападаетъ, а киска кричитъ...
Ужь клювъ надъ Чернушкой его занесенъ,
Кто вышелъ со славой и кто побѣжденъ?

VII

ЕРНУШКА не скоро оправилась послѣ битвы съ отвратительнымъ Кукареку. По крайней мѣрѣ спинка у нея болѣла (онъ порядочно таки потрепалъ ее своими острыми ногтями), а на душѣ было далеко невесело. Еще-бы. Непріятно чувствовать себя побѣжденной какимъ-то грубымъ, необразованнымъ пѣтухомъ!

Что-бы утѣшить какъ-нибудь мою бѣдную сестричку, я рѣшилъ побаловать ее вкуснымъ лакомствомъ.

Наканунѣ, съ вечера, кухарка поставила цѣлую оловянную миску сметаны на скамейкѣ въ кладовой. Поставила и забыла ее закрыть...

Миска была большая и глубокая, сметаны было въ ней столько, что ею можно было насытиться на цѣлую недѣлю. Но какъ ее достать, вотъ вопросъ? Думалъ я, думалъ и придумалъ: подняться на заднія лапки, а передними захватить краюшекъ миски. Миска перекувырнется и дѣло въ шляпѣ... Тра-ла-ла-ла, тра-ла-ла-ла! Что можетъ быть въ мірѣ вкуснѣе сметанки для насъ, неизбалованныхъ котятъ.

Чернушка, которой я разсказалъ все, что намѣ-

ренъ сдѣлать, только сладко облизнулась. — «Молодецъ Рыжичекъ»,—умильно проговорила она.

Молодецъ Рыжикъ и на самомъ дѣлѣ почувствовалъ себя молодцомъ.

Я медленно потянулся къ оловянной мискѣ и ухватился передними лапами за ея края...

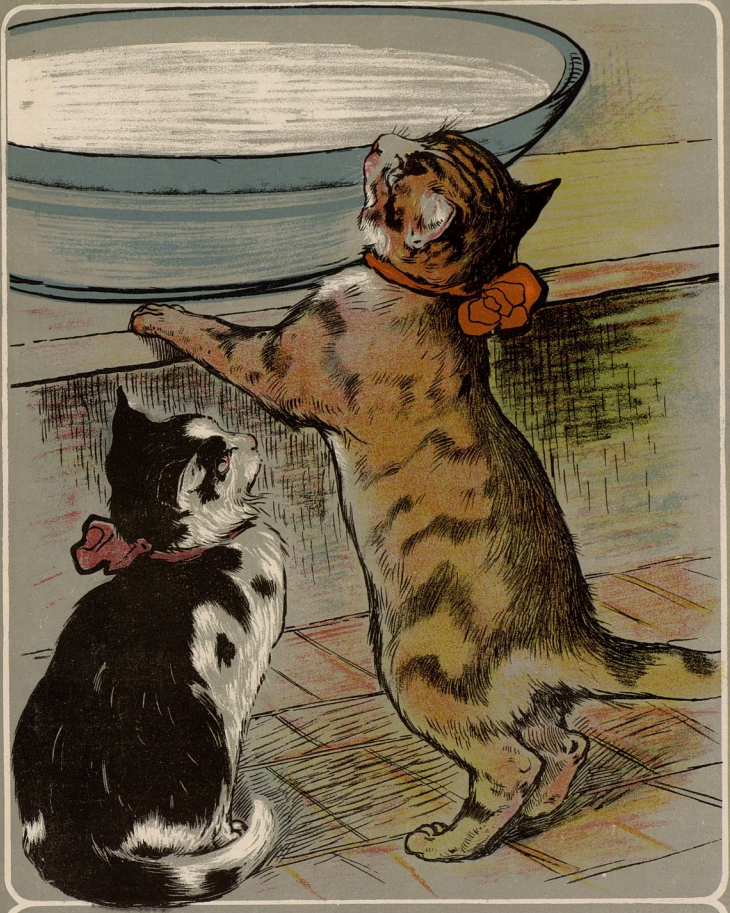
Трахъ, тарарахъ, трахъ-тахъ-тахъ-тахъ-тахъ!

Вотъ такъ штука! Совсѣмъ неожиданное происшествіе.

Миска перевернулась, съ грохотомъ упала на полъ и накрыла насъ собою, какъ колпакомъ... Охъ, какъ это было ужасно! Мы очутились въ темнотѣ, залѣпленные съ головы до ногъ сметаной. Увы, теперь намъ было не до нея... Хотѣлось только выбраться изъ-подъ ужаснаго колпака... Но это было невозможно сдѣлать самимъ. Долго тянулось время, пока въ кладовую не пришла Матрена и не освободила насъ. Она была такъ поражена, когда увидала миску на полу, а подъ миской двухъ котятъ, превратившихся изъ чернаго и рыжаго въ снѣжно бѣлыхъ, благодаря облѣпившей насъ сметанѣ, что даже позабыла хорошенько наказать насъ... А мы и рады...

Какъ бѣшеные выскочили мы изъ кладовой и давай Богъ ноги!

Уфъ! Хорошо чувствовать себя на свободѣ послѣ долгаго сидѣнія подъ ужасной миской впотьмахъ! Очень хорошо!



Порой, какъ малыя дѣтишки
Бываютъ киски-шалунишки,
Прожить не могутъ безъ проказъ,
За ними нуженъ глазъ да глазъ!

VIII.

ОЧЕНЬ хорошо на свободѣ!.. Мы пробѣжали съ Чернушкой садъ, лугъ, рощу и очутились въ лѣсу... Ну, ужъ тутъ Матрена не могла найти насъ! Ей-бы и въ голову не пришло искать насъ здѣсь... А тутъ было такъ привольно, уютно и прохладно! Солнце не проникало сюда черезъ густо разросшіяся деревца, сочная, зеленая травка закрывала насъ совсѣмъ съ головою. Ахъ, славно! Только вотъ одно несчастье! Кушать намъ захотѣлось ужасно... А гдѣ тутъ достать ѣды?.. Негдѣ, положительно негдѣ!.. И вдругъ Чернушка, пріунывшая было отъ голода, радостно замяукала:

— Рыжикъ! Рыжикъ! Взгляни-ка, что я нашла въ травѣ!

Ахъ, что она нашла—Чернушка! У корня стараго дерева лежало гнѣздышко, а въ гнѣздышкѣ три яичка,— три чистенькія желтенькія яичка, съ красными крапинками. Очаровательный ужинъ для двухъ голодныхъ коташекъ! Мы уже заранѣе предвкушали, что это будетъ за лакомое блюдо и потянулись лапками за нимъ, какъ

вдругъ отчаянный пискъ какой-то маленькой птички раздался надъ нашими головами.

— Ахъ, Рыжикъ!—вскричала Чернушка,—не тронемъ яичекъ... Вѣдъ изъ яичекъ выходятъ птенчики... Слышишь, какъ плачетъ птичка?.. Это мама будущихъ птенцовъ... Она боится, что мы съѣдимъ яички и у нея не будетъ птенцовъ... Не будемъ же ихъ ѣсть, Рыжикъ. Пойдемъ лучше домой... Пускай насъ накажетъ Матрена; вѣдь все же она дастъ намъ чего-нибудь поѣсть!.. А яички останутся нетронутыми. Богъ съ ними!

Я взглянулъ на Чернушку. Она-ли говоритъ это? Но моя сестричка оказалась самой доброй кошечкой въ мірѣ... Мнѣ оставалось только послушаться ея совѣта и мы, голодные, но довольные отправились домой. Маленькая птичка провожала насъ долгимъ ласковымъ крикомъ. Она точно благодарила насъ за то, что мы не разорили ея гнѣздышка.

Дома насъ ожидалъ пріятный сюрпризъ. Матрена и не думала наказывать насъ и къ ужину мы получили полную крынку молока.

— Должно быть, это намъ въ награду за нашу доброту?—произнесла Чернушка и я вполнѣ согласился съ нею.

Въ глуши лѣсной нашли они
Въ гнѣздѣ три маленькихъ яичка.
Не троньте ихъ! Полна тоски,
О нихъ заплачетъ горько птичка!...

IX.

АВАЙ играть, Чернушка!

— Давай играть, Рыжикъ!

Задумано—сдѣлано! Мы видѣли часто, какъ маленькія дѣти играли въ пароходъ. Это было очень интересно! Можно было шумѣть и возиться сколько душѣ угодно. А кто не любитъ шумѣть и возиться, скажите на милость! Мы, молодые котята, можемъ по крайней мѣрѣ возиться, какъ никто.

И вотъ мы принялись играть въ пароходъ. Большой столовый столъ представлялъ море. Тарелка съ остатками молока—пароходъ. Я былъ капитаномъ парохода, а Чернушка морскимъ разбойникомъ, который долженъ былъ напасть на пароходъ и взять капитана (то-есть меня) въ плѣнъ вмѣстѣ съ пароходомъ—тарелкой...

Очень все хорошо мы придумали. Я сидѣлъ въ тарелкѣ и пыхтѣлъ. Это было очень похоже на то, какъ будто ѣхалъ пароходъ. Чернушка ползла по краю стола и готовилась къ нападенію. Разъ! Чернушка въ одинъ прыжокъ очутилась въ тарелкѣ рядомъ со мною.

Дзинь! Дзинь! Дзинь!

Пароходъ (то-есть тарелка) не выдержалъ и вдребезги!

Капитанъ и морской разбойникъ поджали хвосты и помчались по морю, какъ по сушѣ, прямо на кресло, оттуда подъ диванъ и притихли тамъ, замирая отъ страха.

Вошелъ Гаврила, подобралъ осколки тарелки, обтеръ столъ и ушелъ на кухню, ворча себѣ подъ носъ:

— Ахъ, ужъ эти котята! Попадетъ вамъ ужо! Будете помнить!

Непріятно!

Надо будетъ высидѣть подъ диваномъ, пока Гаврила не перестанетъ сердиться! А это очень скучно.

Игра въ разгарѣ. Все вверхъ дномъ,
Пищатъ, визжатъ, мяучатъ...
Ничто котятамъ нипочемъ,
Хоть ихъ манерамъ учатъ...

X.

СОВСѢМЪ не такъ скучно сидѣть подъ диваномъ, какъ это казалось сначала. И даже совсѣмъ не скучно!

По сосѣдству съ нами оказался мячикъ. Очень хорошій и очень большой мячикъ. Преинтересная игрушка, какъ будто нарочно сдѣланная для котятъ! Я тихохонько толкнулъ мячикъ лапкой—покатился... Чернушка послѣдовала моему примѣру и тоже толкнула мячикъ. И онъ еще покатился. Тогда я ударилъ изо всѣхъ силъ по мячику обѣими лапами. Мячикъ подпрыгнулъ, какъ живой, и попалъ прямо въ мордочку Чернушки. Чернушка расфыркалась такъ потѣшно, что я упалъ на спинку и хохоталъ, какъ сумасшедшій. И вдругъ... Ой! Ой! Ой! Ой! Что то больно ударило меня по брюшку. Гляжу: какъ ни въ чемъ не бывало—мячикъ! Ударилъ и поскакалъ дальше! Ахъ, ты, негодный!

Хамъ! И я схватилъ его зубами.

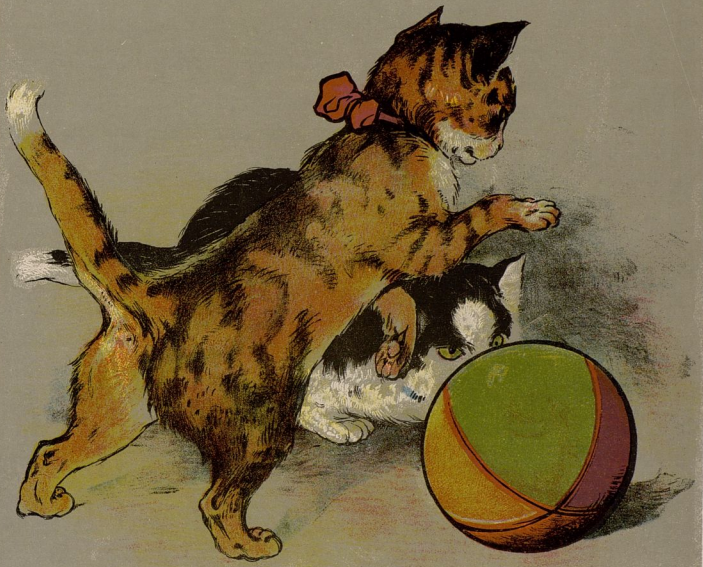
Пуфъ! Пифъ! Пафъ!

Вотъ такъ выстрѣлъ! Оказывается, кошачьи зубки

ничуть не уступаютъ собачьимъ. Мои, по крайней мѣрѣ, потому что они прокусили мячикъ.

Это онъ то и выстрѣлилъ на славу.

Но теперь имъ нельзя и думать играть. Вмѣсто мячика какая-то резиновая тряпка! Мы съ пренебреженіемъ забросили ее въ уголъ и отправились гулять.



„Лучше всякой мячъ игрушки,
Объ думаютъ мяушки,
Хлопнешь ты, хлопну я
Мячикъ кверху... Тра-ля-ля!“

XI.

ОТЪ вамъ и неожиданное происшествіе!

Опрокинутая сметанка, разбитая тарелка и порванный мячикъ—все засчиталось намъ въ вину!.. Хитрая Матрена накопила всѣ наши маленькіе грѣшки и наказала насъ за нихъ сразу.

У-у, злая, безсердечная Матрена! Ну, можно-ли такъ жестоко обращаться съ маленькими, глупыми коташками! Подумайте только! Она заперла насъ въ тюрьму, то-есть, попросту, въ крошечную душную комнату.. А день-то какой великолѣпный сегодня! Какъ нарочно... Солнышко свѣтитъ, травка зеленѣетъ, за окошкомъ птички поютъ... А тутъ сиди въ тюрьмѣ и даже неизвѣстно, сколько времени. Къ тому же намъ не дали сегодня ни капельки молока! Не думаютъ-ли насъ уморить съ голоду?.. О!

Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ мы такъ проказничали и шалили?! Веди мы себя тихо и прилично—бѣгали бы мы на волѣ и рѣзвились, какъ птички рѣзвятся въ саду.

Чернушка даже уснула отъ большой печали.

— Чернушка! Ты спишь?

Молчитъ.

Чернушка спитъ крѣпко и сладко, какъ будто она не въ тюрьмѣ, а на свободѣ! Эти маленькіе котята бываютъ ужасно глупы порою. Они даже и пострадать-то не умѣютъ, какъ слѣдуетъ, и все свое горе взваливаютъ на плечи старшихъ братьевъ!..

— Мяу! Мяу! Когда же наконецъ выпустятъ насъ?

Даю торжественное слово не проказничать и не шалить, только бы снова очутиться на свободѣ. Слушайте всѣ. Рыжикъ даетъ слово быть умнымъ коташкой и всячески удерживать и Чернушку отъ проказъ. Честное слово!

За проказы, кутерьму,
Причиненныя невзгоды,
Взяли котиковъ въ тюрьму
И лишили ихъ свободы...

XII.

АХЪ, какой ужасъ!

Никогда не забуду этого ужаса!

А все-таки я—герой! Самый настоящій герой изъ кошачьей породы!

Слушайте только, что случилось.

Поздно вечеромъ насъ съ Чернушкой выпустили на свободу. Выпустили, а ѣсть намъ все-таки не дали.

Голодные и злые мы отправились въ садъ. Чернушка взобралась на заборъ и жалобно мяукала о своемъ пустомъ желудкѣ.

— Мяу! Мяу! Рыжикъ! Я кушать хочу... Мяу, мяу, Рыжикъ, достань мнѣ чего-нибудь покушать!

— Мяу, мяу, достану, Чернушка,—отвѣчалъ я ей и отправился на охоту. Я зналъ, что на заднемъ крыльцѣ потрошили рыбу на ужинъ. Нѣсколько скачковъ—и я у забора. Вдругъ отвратительная бѣлая съ черными пятнами собака Джекъ наскакиваетъ на Чернушку и почти дотрагивается своими страшными зубами до нея. Бѣдная моя сестрица выгибаетъ спину, вся такъ и дрожитъ со страха, такъ и трясется...

— Подожди!.. Разъ! Два! Три!.. Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ!

И я бросаюсь на собаку съ дикимъ шипѣньемъ и хватаю ее когтями за носъ. Цапъ-царапъ! Великолѣпно!

Собака визжитъ такъ, точно ей оторвали голову, и бросается въ бѣгство... Я за нею... Она отъ меня, я за нею... И все фыркаю, фыркаю и шиплю, какъ змѣя... Наконецъ, внѣ себя отъ страха, собака вбѣгаетъ въ домъ, а я возвращаюсь полнымъ побѣдителемъ къ Чернушкѣ... Мы крѣпко обнимаемся и плачемъ.

Чернушка плачетъ изъ гордой радости, что у нея такой смѣлый и храбрый братъ. Я же оттого, что мнѣ удалось спасти Чернушку и что мамочка отъ души похвалитъ меня, когда вернется.

Теперь я уже въ правѣ считать себя взрослымъ котомъ. Еще-бы! Не побоялся вступить въ драку съ собакой для защиты милой сестрички! И я чувствую себя гордо и пріятно, какъ настоящій герой!

Скорѣе-бы вернулась мамочка! Я могу смѣло сказать, что исполнилъ данное ей слово.

Большой Рыжикъ, какъ умѣлъ, заботился о маленькой Чернушкѣ и даже спасъ ее, рискуя собственной шкурой... Ахъ, какое это пріятное сознаніе, если бы вы знали!.. Какъ хочется подѣлиться имъ съ мамочкою. Мамочка, милая, возвращайся скорѣе!

Ненавидитъ Джекъ всецѣло
Кошекъ тѣломъ и душой...
Рыжикъ съ нимъ отважно, смѣло
За сестру вступаетъ въ бой.

ГПБ Русский фонд
34.83.2.1236